

Без сердечного доверия снимать кино невозможно

«Сокуров, бесспорно, из когорты больших художников. Я убежден, что его фильмы — то немногое, что остается от нашего времени как подлинная ценность. Порой мне не до конца понятна его мысль, порой я не попадаю в его манеру, интонацию, стилистику — но масштаб его для меня оцутим всегда».

А.Ю. Герман

Имя кинорежиссера Александра Сокурова известно во всем мире. Более 60 кинолент (игровых и документальных фильмов) снято им, среди которых — «Одинокий голос человека», «Дни затмения», «Молох», «Скорбное бесчувствие», «Русский ковчег». Его фильмы не оставляют равнодушными ни российского зрителя, ни мировую общественность. Спектр оценок его творчества — от резкого неприятия до восторженных оваций, что свидетельствует о том, что фильмы кинорежиссера — одно из интереснейших явлений в современном киноискусстве. В беседе с директором департамента информационных программ «ЭС» Александром Исаевым российский кинорежиссер Александр Николаевич Сокуров рассказал со свойственной ему искренностью о своем детстве и творческом пути, поделился трудностями работы в кинематографе в советское и нынешнее время, а также проанализировал социально-экономическое состояние России, делая особый акцент на катастрофическое снижение уровня культуры населения нашей страны.

Александр Николаевич, почему Вы стали именно кинорежиссером, а не инженером или врачом?

Случайно. Никогда не хотел быть кинорежиссером, с учетом моего социального положения мне это занятие казалось непостижимым и недостижимым. Будучи школьником с удовольствием слушал радиоспектакли, музыкальные трансляции. И хотел стать режиссером на радио. В советский период по радио передавали музыкальную классику, в том числе оперы, классические драматические постановки МХАТа, Малого театра. Помню очень хорошие трансляции из Большого театра. Это был мой мир.

Я сын военного, мы жили в отдаленных городках, и радиопередачи на средних волнах стали для меня подарком судьбы, потому что никакой другой культуры вокруг не было. На этом фоне у меня возник интерес к истории — я очень хорошо учился, особенно по гуманитарным предметам. Хотел стать дипломатом, поступал в МГИМО, но не прошел медкомиссию. После этого уехал в Горький и поступил в университет на исторический факультет, о чем сейчас жалею — надо было поступить на филологический. Как-то раз увидел объявление: на местном телевидении: требовались помощники режиссера. Пошел, меня почему-то немедленно взяли.

Кто Вас взял? Вы не поддерживаете отношения с этим человеком?
Поддерживаю. Это мой учитель Юрий Борисович Беспалов, он вводил меня в профессию, я его очень люблю.

Угадал, увидел?

Может быть, увидел, но и я старался. Юрий Борисович очень много для меня сделал. Должен сказать, что атмосфера провинциального советского телевидения того времени была удивительной. Там работали блестяще образованные люди, редакторы и режиссеры. Тогда телевидение только развивалось, еще даже видеозаписи не было, передачи по большей части

шли в прямом эфире, много было художественного вещания, телевизионных спектаклей, трансляций из театров. И я, участвуя во всем этом, наладил постоянные контакты с местным радиовещанием, со всеми горьковскими театрами. В то время в Горьком их было несколько — Драматический театр, Театр комедии, Театр юного зрителя, даже Оперный театр. Была сильная филармония.

Я попал в литературно-драматическую редакцию художественного вещания сначала ассистентом, а потом режиссером. Буквально с первых месяцев активно вклю-

Никогда деньги как таковые не оказывали столь сильного деструктивного воздействия на народ в России, как сегодня.

чился в работу, тем более что работать было очень интересно. Меня допускали ко всякого рода экспериментам, даже давали прямые эфиры. Мои коллеги оказали мне просто чрезмерное доверие, в результате у меня возникло желание у них всему учиться, освоить профессию. Это рефлекс провинциала, стремящегося быть не хуже. И во ВГИКе студенты из регионов учились много лучше, чем москвичи и ленинградцы. У нас за спиной никого и ничего не было, и мы старались как можно полнее использовать возможности, которые нам предоставило государство.

Вы человек настроения или руководствуетесь какой-то жесткой схемой? А может быть, в Вас совмещается и то, и другое?

Поначалу был человеком настроения. Мне было крайне тяжело: физически был нездоров, оторван от дома, приходилось разрываться между университетом и работой, где я пропадал с утра до ночи. Но постепенно трудности заставили меня измениться, стать более дисциплинированным, я научился планировать свою жизнь, ставить перед собой непростые задачи и их решать. По сути дела пол-

ностью изменил свой характер, внутренние установки.

Вам неоднократно приходилось руководить большими коллективами. Какими управленческими принципами Вы при этом руководствовались?

Я всеми силами стараюсь избегать участия в административном процессе, но мне это не вполне удается — положение режиссера таково, что он в огромной степени лично отвечает за выделенные деньги. Поэтому я считаю, что первое условие — это четко регламентированная работа с деньгами: никогда не требовать боль-

ше того, что тебе нужно на производство. Второй принцип — это соблюдение социального баланса в съемочной группе, когда при заключении договоров с людьми разных профессий обязательно учитываются их интересы. Я считаю, что интересы человека выше интересов фильма.

Если возникают проблемы с дисциплиной, я стараюсь решать их конструктивно, не прибегая к увольнениям — увольнять членов группы мне приходилось лишь раз или два за всю мою большую практику. Ну и открытость, конечно. Например, в западном кинематографе дистанция между режиссером-постановщиком и остальной группой большая, не всякий может подойти к режиссеру-постановщику и задать вопрос. Этот принцип, без сомнения, имеет право на существование, но я его не придерживаюсь — будучи абсолютно доступным, принимаю участие в решении всех вопросов, в том числе бытовых.

Мне очень дороги люди, которые со мной работают, они — мои единомышленники. Скажем, с Лидией Михайловной Крюковой, худож-

ником по костюмам, я работаю всю жизнь. Ни одной своей игровой картины не сделал без нее. Это выдающаяся личность, большой художник, блестящий профессионал, человек, у которого я очень многому научился. Вера Зелинская, Елена Амшинская, Елена Жукова, Наталья Кочергина — художники-постановщики, с которыми я работал и которым благодарен. Я очень их люблю, иначе и быть не может — без сердечного доверия снимать кино невозможно.

Скажите, кем для Вас был советский чиновник и что такое чиновник вообще?

Советские чиновники редко вдали. По крайней мере, мне они говорили все, что думали. Это было в тот

мой первый фильм, то я мог окатиться на улице. Полагаю, что только приход к власти Горбачева спас меня от лагеря, все к этому шло — руководство «Ленфильма» обращалось в КГБ, чтобы меня изолировали как антисоветчика. Поводом могли быть мои очень близкие отношения с Тарковским. Я ни в одном из фильмов не ставил политических задач, потому что это было мне неинтересно — политическая экономическая ситуация в СССР была совершенно очевидная.

Меня всегда занимала художественная проблематика, сочетание сложной драматургии с пластичной формой. В этом советские чиновники усмотрели нечто чуждое и стали моими противниками.

Власть в разных областях получают люди, которые умеют воровать, обманывать и лицемерить.

период, когда отношение Госкино и студии ко мне было резко отрицательным и чиновникам было проще сказать мне правду и указать на дверь, чем вести со мной дипломатические переговоры. И я считаю, что этот вариант гораздо лучше, чем вариант современный. Сегодня ты можешь позвонить чиновнику любого ранга, он напрямую никогда не откажет, но это не означает, что он что-то для тебя сделает.

То есть в советское время это все-таки были люди?

Да, в моем случае это были люди. Более того, среди работников административной сферы были те, кто оказал мне неоценимую помощь. В первую очередь могу назвать директора студии документальных фильмов Владилена Кузина, редакторов Анатолия Никифорова и Галину Позднякову. Каждый раз, когда по цензурным соображениям закрывался очередной мой документальный фильм, они начинали работать со мной снова. Эти люди никогда меня не предавали, не сдавали властям. Если бы Кузин испугался, когда закрыли

Сейчас, к сожалению, отношения между людьми гораздо хуже, тяжелее, иногда безнадежнее, чем в период тоталитарного государства. Об этом мало кто задумывается. Точно так же никто не пытается проанализировать ситуацию в средней и высшей школе, осмыслить системные положительные результаты среднего и высшего образования в СССР.

Советская система образования была одной из лучших в мире.

Да. Очень важно, что она представляла молодежи равные стартовые возможности.

Чиновный люд сегодня деградировал, он разрушает веру народа в государство и развращает все социальные слои. Хотя, наверное, и среди чиновников есть люди, на которых можно положиться, но мы говорим об основной массе.

В СССР существовала цензура, а что сегодня ее заменило? Рубль? Сейчас есть самоцензура — страх за свое материальное положение. Это первое. И второе, очень опасное для России, явление — власть

денег. Никогда деньги как таковые не оказывали столь сильного деструктивного воздействия на народ в России, как сегодня. Я имею в виду в первую очередь русских. У других народов другие проблемы, но у них ситуация гораздо чище, чем у русских. Положение русского народа в этом смысле архисложное, я бы назвал его простым русским словом «беда».

То есть фактически у нас не стало никакой идеологии, кроме рубля?

Я бы сказал так: рубль отбирает у нас родину. Мы теряем Россию как любимую землю, которую нужно защищать. Эта внутренняя деградация касается в первую очередь мужской части населения.

Деньги становятся целью жизни?

Именно целью жизни. Власть в разных областях получают люди, которые умеют воровать, обманывать и лицемерить. Ситуация в этом смысле крайне тяжелая, в том числе в кинематографе. Кинематографические лидеры стремятся установить контакты с властью и церковью, спекулируют на своем умении построить интригу, красиво говорить, лицемерить — в таких масштабах в России этого не было никогда. Никогда не было такого предательства интересов народа, интересов культуры со стороны образованных людей и людей, работающих в области культуры. Я сейчас не имею в виду искусство, потому что искусство — это всегда индивидуальность. Но в культуре предательство на каждом шагу.

Недавно артгруппа «Война» стала лауреатом премии «Инновации» в главной номинации «Произведение визуального искусства» за проведенную акцию на Литейном мосту в Санкт-Петербурге. Как Вы относитесь к подобным проявлениям народного творчества? В любом обществе — не важно, тоталитарное оно или демократическое — должны существовать некие культурные авторите-

ты, способные окриком, взглядом, репликой остановить, например, писающих на улице художников. Но в русской художественной среде сегодня таких людей нет, потому что нет общенациональной русской гражданской среды, есть только московская среда.

Я несколько раз говорил и Ельцину, и Путину о том, что у нас отсутствует общенациональное телевидение. Что я имею в виду? Не Первый канал, который вещает на всю страну, а такую организацию телевидения, в рамках которой в любой точке России можно смотреть телеканалы всех крупных городов. Например, в Берлине я могу смотреть телевидение Баден-Бадена, Гамбурга, а также многие зарубежные каналы — итальянские, французские и т.п. Так вот, я хочу, сидя в Петербурге, смотреть телепередачи из Иркутска, Владивостока, Архангельска, Вологды, Волгограда или Краснодара, чтобы знать, какой уровень культуры в разных частях страны, о чем люди думают. Но такой сети нет, и о ее создании речь не идет.

Это колоссальная ошибка государства — оно недооценивает телевидение, которое должно объединять страну, а не разъединять. Оно не должно быть инструментом подавления самосознания и инициативы, в том числе художественной. Нам следует осознать, что мы все — граждане огромной страны России, и в этом наша сила. А пока на территории нашего государства есть Московский султанат, Чеченский султанат и т.д.

Это все имеет отношение к культуре, к качеству жизни народа.

Маяковский когда-то сказал: «Если солнце зажигают, значит это кому-нибудь нужно». А если солнце гаснет, то это тоже кому-нибудь нужно? Можем быть, в данном случае мы имеем дело со специальным проектом?

Думаю, что никакого проекта нет. Я поддерживал дружеские сердечные отношения с Борисом Ни-

Рабочий момент

колаевичем Ельциным и много с ним говорил и о государственном управлении, и об истории, и о многом другом. Могу сказать, что в России и тогда, и сейчас множество нерешенных проблем — экономических, нравственных, проблем государственного устройства и т.д. И одна из важнейших — проблема катастрофического снижения среднего уровня культуры населения; он ниже не только европейского, но и азиатского стандарта, много ниже.

Даже бытовой культуры?

Тем более бытовой. При таком обилии нерешенных вопросов наше руководство успевает только латать дыры. Я хотел создать большой цикл под названием «Интонация», но удалось сделать только шесть фильмов. Один из них посвящен глубоко мною уважаемому председателю Конституционного суда Валерию Зорькину. Я несколько раз задавал ему вопрос: почему вместо того, чтобы думать о будущем страны, мы думаем только о том, как залатать кафтан, рвущийся в разных местах? Ведь это бессмысленно в конце концов. Все это происходит не потому, что есть какой-то заговор, а из-за низкой политической культуры и агрессивного использования принципа партийности, который идеологически, организационно, нравственно не развивается, он не живой. Это напоми-

нает копанье в трупе коммунистической партийности.

Уверен, что российское руководство все видит и понимает, но, к сожалению, не переходит к активным действиям.

К каким-то стратегическим изменениям?

Я режиссер и существую в художественной среде. Мне многое непонятно, многого я не знаю, но как гражданин могу сказать, что мы просто захлебываемся в проблемах, которые не решаются и, боюсь, не будут решаться.

Если проекта нет и власть не особенно виновата, может быть, за это отчасти ответствен сам русский человек? Достоевский писал: «Широк русский человек, надо бы сузить». Как Вы считаете, что нужно было бы убрать и что добавить русскому человеку?

История России вершится не личностями, а народом. И, участвуя в этом процессе, он очень сдержанно, равнодушно относится к происходящему. Главную причину этого я вижу в колоссальной разбросанности народа в пространстве. Такая территория нам абсолютно не по силам. Некоторое время назад я оказался на своей родине под Иркутском. Местные жители в разговоре со мной спрашивали: «Вы откуда, из России?» И я с грустью отвечал: «Да, из России». Вроде русские

Подготовка к съемке массовой сцены

люди, сибиряки, которых я очень люблю. И вообще всякое укорененное национальное качество я очень люблю, будь то русское, татарское или какое-то другое. Мне очень все это нравится, кажется полноценным, нормальным.

Страна разделена на огромные регионы, которые одновременно и свободны, и не свободны. Расстояния колоссальные. Я много раз бывал в Японии. Когда летишь в ясную погоду над Сибирью, то видно, что на протяжении многих тысяч километров нет ни одной дороги, ни одного города, ни одного поселка. Там есть пространства, где никогда не ступала нога человека. Мы даже не знаем, что там происходит, понимаете? Какой там животный и растительный мир. А может, там и люди другие живут, а мы не знаем об этом? Колоссальное пространство! Какую нужно иметь энергию, чтобы из столицы, которая по отношению ко всей этой земле расположена на окраине, удерживать такое пространство.

Как-то я был у родителей в Ставропольском крае, в Ипатове, и, узнав, что там закрывают последний дом культуры, стал звонить в Ставрополь губернатору. Естественно, до меня никто не снизошел — кто я такой, но в конечном итоге добился, чтобы к трубке подошел один из помощников губернатора. Отчаявшись, я ему сказал, что сделаю все, чтобы о том, что там

творится, узнал президент страны. А он мне ответил: «Да у нас тут свой президент, идите Вы со своими президентами куда подальше». Дом культуры, конечно, закрыли, а ведь он был единственным местом проведения культурного досуга в маленьком степном поселке. И это в Ставропольском крае, который не так далеко от Москвы.

Необходимо пересмотреть устройство государства, перенести столицу из Москвы, а иначе ничего не решить в России, все усилия будут бессмысленны. Можно вообще страну погубить, не давая людям никакой перспективы, никакого восхода солнца в душах. Это же убийство русского государства! Я говорю «государство», поскольку, мне кажется, что поддержка государства очень важна для российской культуры. Культура ни в коем случае не должна остаться без государственного финансирования. Что я понимаю под культурой? Образование, медицина, военные, служивые люди — все это наша культура. Если в этой сфере будет наведен порядок, мы все переживем.

В перестроечный период я часто бывал на военно-морском флоте, в пограничных войсках и могу сказать, что нигде не видел столь патриотичных, трезвых и терпеливых людей, как наши военные. Нигде я не видел таких воспитанных детей, как в военных семьях, и таких школ, как в военных го-

родках и на базах. Эти школы, как и сельские школы, ни в коем случае нельзя терять. Надо любыми средствами сохранить подобные очаги образования и воспитания. Государство не имеет права изменять этим принципам, иначе оно нам не нужно. Основная задача государства — сохранять и приумножать культуру, делать все, чтобы народы, населяющие его, сохраняли человеческий облик и не превращались в социальных животных.

Это очень важно. Но армия сейчас сокращается...

Отношение государства к военным — давняя проблема... Военные нуждаются в стабильности, спокойствии, они не думают ни о государстве, ни о войне, все их помыслы — об обеспечении достойной жизни своим семьям. Да и государственные мужи отвечают военным, в общем, безразличием... На каком основании из центра Петербурга выводят военные училища и институты, почему из Адмиралтейства убирают моряков?

Деньги, чистые деньги.

Если курсант будет учиться в центре Петербурга, окруженный всей этой красотой, он увезет с собой в отдаленный гарнизон любовь к красоте своей родины. Ему будет что защищать. А сейчас все военно-морские училища соберут в Кронштадте и создадут «лепрозорий». Не государево решение. Я об этом говорил губернатору Санкт-Петербурга, но никто меня не поддерживает в этом протесте.

Да, это, может быть, важнее экономических проблем, которые сейчас решает правительство.

Серая масса никого не захочет защищать. Ни города, ни села...

Как можно образно охарактеризовать современную Россию? Каким эпитетом?

Очень трудный вопрос, потому что болит везде. Я на одном из вещаний сказал Путину, что каждый раз, уезжая в командировку за пределы России, не знаю, в какую страну вернуться. Везде, куда ни по-

смотрю, вижу крайнее напряжение. Люди просят о помощи. Я как гражданин, как русский человек, живущий в России и не имеющий никакого гражданства, кроме российского, устал от такой жизни.

И подпитки нет никакой?

Нет подпитки кроме классического искусства. Великое искусство, но и оно на все вопросы ответить не может.

В связи с тем, что мы заговорили о духовной подпитке, я бы хотел узнать о Вашем отношении к тому, что сейчас делают РПЦ и Патриарх Кирилл?

РПЦ — это РПЦ. Это учреждение. Ко мне с большим вниманием и уважением относится католическая церковь. Мне были присуждены две премии Папы римского, Ватикан выпускает книги о моем труде, в католических университетах показывают мои фильмы, пишут дипломные, научные работы. Католики всегда ревниво отно-

ит роскошь нашей Православной Церкви и ее стремление к деньгам. Можно, конечно, рассматривать это как особенности периода возрождения, оправдать необходимостью восстанавливать монастыри и церкви, привлекать народ, и все же поведение церкви настораживает.

То есть нужно побольше давать, а не брать? Давно пора призреть бездомных детей, брошенных на произвол судьбы матерей-одиночек?

Да, в том числе. Но это, к сожалению, не становится церковной идеей. Церковь, наверное, имеет деньги, но специальные фонды призрения, насколько я знаю, не создаются.

Я слышал, отдельные попытки предпринимались.

Все это частная инициатива священников или приходов. Я не так давно был в Екатеринбурге, присутствовал на службе в храме, который построили на месте Ипатьевского дома. Так вот, выхожу после

Как говорит руководство российского телевидения, Сокуров не наш формат, у нас примитивная аудитория.

службы и вижу: подъезжает роскошный автомобиль БМВ, к нему подбегают здоровые бритоголовые парни, открывают дверцу и оттуда выходит священник. За рулем тоже сидит священник или монах. И эти бритоголовые — понятно, кто они такие, — целуют ему руки, передают какие-то пакеты, они о чем-то говорят, смеются. Неприятное зрелище. А как же скромность, смирение? Это тоже реальность РПЦ.

сились к искусству. Католические священники — это люди очень хорошо образованные. В католических университетах в Италии, где я часто бываю, очень высокий уровень кинообразования.

Мне кажется, что основное различие между РПЦ и католической церковью в том, что католическая церковь все же старается максимально дистанцироваться от государства, а наша Православная Церковь стремится слиться с государством, забыв о кошмарном опыте XX века, когда она понесла колоссальный урон из-за того, что народ посчитал ее преступницей наравне с самодержавием. Печальная, трагичная ситуация.

А ведь задачи-то у церкви и у государства абсолютно разные. Меня очень тревожит тенденция слияния РПЦ с государством, беспoko-

службы и вижу: подъезжает роскошный автомобиль БМВ, к нему подбегают здоровые бритоголовые парни, открывают дверцу и оттуда выходит священник. За рулем тоже сидит священник или монах. И эти бритоголовые — понятно, кто они такие, — целуют ему руки, передают какие-то пакеты, они о чем-то говорят, смеются. Неприятное зрелище. А как же скромность, смирение? Это тоже реальность РПЦ.

На мой взгляд, в настоящий момент у нашей Православной Церкви есть две задачи. Первая — окормлять человеческие души и смягчать нравы, вторая — уделять больше внимания отношениям с мусульманами, которые никогда консолидированно не выступали против терроризма. Православная Церковь должна проявить инициативу и сесть с духовными лидерами мусульман за стол переговоров.

И договориться...

Примерно год назад я написал письмо представителю президента в Северо-Кавказском округе о положении на Кавказе, в том числе о деятельности РПЦ, пытаясь донести свою тревогу... И, конечно, не получил ответа.

Никто не хочет видеть проблем?

Если Русская Православная Церковь от имени русского народа несет ответственность за мир в душах, то она должна делать это и делать с маниакальным упорством, пока не поздно. Но на деле вокруг всего этого такое мелкое политиканство, такая вязь, целые леса красивых слов, просто тайга.

Много слов, а надо дело делать.

Александр Николаевич, у Вас есть любимый анекдот, притча, поговорка, которая точнее всего отражает Ваше отношение к жизни и работе?

Главное — терпение и труд. Культура — это область систематического упорного труда. Многие художникам не хватает жизни, чтобы осуществить задуманное. А некоторые проживают за одну жизнь много жизней, такие примеры тоже есть.

Вас называют элитарным режиссером. Вы согласны с этим определением?

Так говорят люди, которые не смотрели ничего из того, что я сделал, а если смотрели, то не захотели вникать. Многие мои картины в России никогда не показывали. Как говорит руководство российского телевидения, Сокуров не наш формат, у нас примитивная аудитория. Именно так и говорят. В этом смысле я у себя на родине существую как в блокаде. С советских времен мое положение не изменилось.

И все же Вы продолжаете работать?

Конечно, но работаю я не в России — здесь у меня нет ни средств, ни аудитории. **ES**

ПЭС 11048/20.04.2011